

Он полагал, что госпожа лекарь, судя по её характеру, оценит уединённость, потому и привёл их сюда. Конечно, не без толики личного интереса.

— В крайнем правом доме есть ванна, вы можете пользоваться ею по желанию. Дров достаточно, постельное бельё недавно постирано и высушено... — Цзянь Юй не знал, что ещё сказать, но не хотел неловкого молчания, потому произнёс несколько фраз, чья важность была сомнительна, но которые наверняка охладят атмосферу.

И точно: стало тихо и холодно, хотя солнце всё ещё стояло высоко.

Закончив, он сохранял каменное лицо, но внутри отчаянно желал развернуться и сбежать.

— Благодарю. Вы здоровы? — Вань Цзюньи, конечно, заметила его смущение и попыталась сменить тему, чтобы разрядить обстановку.

Однако...

— Вполне, — два слова Цзянь Юя словно нагнали морозный ветер. Затем он, всё ещё скованный, сложил руки в благодарность за спасение в Фэнлине.

Вань Цзюньи спокойно кивнула, не зная, как продолжать беседу.

И снова повисла тишина.

Стоявший рядом с сестрой Сань Миншэн скрутил брови в узел, чувствуя себя невыносимо.

— Госпожа лекарь, не желаете ли осмотреть наши владения? — наконец попытался Цзянь Юй.

— Если это не обременительно, то завтра.

Слова вежливые, но смысл ясен: сегодня она устала и хочет отдохнуть, а также слегка намекает, что гостю пора.

Цзянь Юй не был глуп, тут же сложил руки в знак согласия, попрощался и внутренне облегчённо вздохнул.

Однако перед уходом Вань Цзюньи попросила его об одном: если вернётся Шао Цзые, позволить тому пройти. Цзянь Юй, конечно, согласился и затем поспешно удалился.

Когда его фигура скрылась из виду, Вань Цзюньи с младшим братом вошла в средний дом.

До этого, из-за душевного смятения, она не расспрашивала брата об их недавних приключениях. Теперь, когда дело с сестрой было на время улажено, она хотела спокойно с ним поговорить.

Сань Миншэн просто изнывал от желания выговориться и, получив разрешение, начал тараторить без остановки: от битвы с У-Львом на горе Фэнлин до опасного блуждания в Снежных горах. В конце он искренне выразил тоску по сестре и сожаления о потере сознания на горе Фэнлин, надеясь, что это смягчит её и она не выльет спрятанное им вино.

На самом деле Вань Цзюньи уже давно забыла об этом — тогда она сказала так лишь для того, чтобы у младшего брата был стимул не рисковать жизнью. И, зная его прямолинейный характер, он обычно просил напрямую, а не вот так вилял, пытаясь угодить. Странно.

Странно было не только ей. Сань Миншэн тоже удивлялся: раньше, если он так долго болтал, сестра либо выгоняла его вон, либо брала книгу и напроць его игнорировала. А сегодня она впервые так внимательно его выслушала, не проявив ни капли нетерпения.

Неужели солнце взойдёт с запада? Решил завтра пораньше встать и проверить.

— Что уставился? — Вань Цзюньи слегка нахмурилась, заметив, как младший брат смотрит на неё с удивлением и подозрением.

Услышав это, Сань Миншэн замялся, но не удержался:

— Сестра, что с тобой случилось? Почему ты сегодня так терпеливо слушала мою болтовню?

Эти слова заставили Вань Цзюньи замереть.

Почему... Десятки дней назад её слух постоянно ласкал чей-то голос — мягкий, ненавязчивый, не раздражающий. Всякий раз, когда накатывали одиночество или тоска, этот голос возникал, рассказывая забавные истории или диковинные случаи, чтобы развеять её грусть. А когда ей хотелось тишины — голос умолкал, заменяясь молчаливым присутствием...

Она сжала кулаки, опустила взгляд и выговорила:

— Выйди.

— Сестра? — Сань Миншэн нахмурился, не понимая.

— Выйди. Не заставляй меня повторять в третий раз. — Она подняла глаза, и взгляд её стал холодным.

— О... Ладно. Я пошёл, сестра, отдыхай. — Озадаченный младший брат, надувшись, осторожно вышел и тихо прикрыл дверь.

Когда шаги за дверью затихли, Вань Цзюньи закрыла глаза, беззвучно повторяя мантру забвения. Её мысли метались.

Сорваться на младшего брата было несправедливо, но она не могла сдержаться. И не понимала, откуда взялся этот гнев... Нет, понимала. Просто не хотела в этом разбираться и признавать...

Прошло неведомо сколько времени, прежде чем она наконец успокоилась и разжала кулаки. На бледных ладонях остались красные, чуть кровоточащие следы от ногтей.

Она встала, открыла окно. Холодный ветер, несущий лунный свет, ворвался в комнату, коснулся её лица — и она прояснила мысли.

Нет. Ни за что.

Эти пять слов жёстко впечатались в сознание, но сердце всё равно поднимала горькая волна. Хорошо хоть, боли ещё не было. Она ещё не погрузилась в это.

Стоит найти сестру — и всё вернётся на круги своя. А то, что случилось под тем утёсом, было всего лишь сном...

— Разве это можно считать сном?

Почему нет? Для нас обоих это был сон. Так даже лучше.

— Она чуть не погибла в Снежных горах ради тебя. Зачем быть такой жестокой?

А как иначе? Моё сердце принадлежит сестре. Я не могу дать ей тех чувств, которых она ждёт. Если не буду жестокой, это будет ещё большей несправедливостью по отношению к ней.

— Но ты сомневаешься.

Возможно, это влияние внутренней энергии. Оно не будет длиться вечно. Я не должна вмешиваться в судьбу Ало-Лазурной Звезды. Она должна завершить свою добродетель и освободиться от мирских страданий. А я... Если смогу прожить эту жизнь с любимым человеком, этого будет достаточно.

Кажется, она убедила себя, и внутренний голос затих. Но печаль Вань Цзюньи не рассеялась. Она смотрела на луну, наполовину скрытую облаками, и не знала, куда направляется эта тоска...

Ночь прошла без сна.

На следующее утро Вань Цзюньи с бледным лицом открыла дверь и увидела кого-то, сидящего на корточках у порога. Сердце её дрогнуло, силуэт перед глазами расплылся — она не могла разобрать, кто это, но в груди шевельнулась надежда.

— А, сестра.

К счастью, он вовремя заговорил, и она пришла в себя, не сумев подавить лёгкую досаду.

— Как долго ждёшь?

Не ожидая такого вопроса, только что поднявшийся Сань Миншэн замялся.

— Примерно... полчаса?

Конечно. Даже младший брат не был настолько глуп, как она.

Внутренне покритиковав себя, Вань Цзюньи сохранила холодное выражение лица. Увидев, что младший брат смотрит на неё осторожно и с намёком на заискивание, она вздохнула и велела:

— Повернись и присядь.

Сань Миншэн, конечно, тут же повиновался, хотя на лице его читалось полное недоумение.

К его изумлению, в следующее мгновение сестра принялась приглаживать его растрёпанные волосы — и делала это на удивление нежно. Это... точно его сестра?

Сань Миншэн не верил своим глазам. В конце концов, он уже пять лет был «младшим братом» и хорошо знал, что сестра не любит близости. О том, чтобы причёсывать кого-то, он слышал лишь от четвёртого брата, когда тот хвастался. Он и представить не мог, что удостоится такой чести!

Но больше всего его потрясло другое: сестра сказала ему «прости»?!

— Нет-нет, это я виноват! Я глупый, не заметил, что у тебя плохое настроение, сестра! Ты не

виновата, это всё я!

Вань Цзюньи слегка моргнула, лёгкая улыбка тронула её губы, и на душе стало чуть легче. Решив подшутить, она сказала:

— Хорошо. Раз уж ты сам так говоришь, получишь наказание.

— На... наказание? — Сань Миншэн занервничал.

— Я знаю, ты выпиваешь по двадцать кувшинов вина в месяц. Это слишком. Давай сократим до половины, как насчёт?

Услышав это, младший брат мгновенно сник, на лице его отразилась глубокая обида.

— Сестра, ты не можешь так поступать!..

Видя это, она не смогла сдержать лёгкого смешка.

Её улыбка была подобна чистой воде, струящейся с небес, мягко смывающей мирскую грязь, — невероятно чистой и прекрасной.

Спрятавшийся неподалёку Цзянь Юй поспешно отвёл взгляд, не смея смотреть больше.

Он, конечно, не намеренно подслушивал — просто пришёл в неудачный момент и, не желая мешать их беседе, решил временно затаиться за сосной. Но сердце его беспокойно заняло, и, после недолгой внутренней борьбы, он всё же украдкой взглянул — как раз в тот миг, когда богиня улыбнулась. От этого его сердце забило так беспорядочно, что он забыл о всяком приличии.

И это выдало его присутствие.

— Кто здесь? — Вань Цзюньи перестала улыбаться, а взгляд её стал неодобрительным.

В тот же миг Сань Миншэн вскочил на ноги, нахмурившись и приняв боевую стойку.

Цзянь Юй за деревом тихо вздохнул, поспешно собрался с мыслями и вышел, стараясь сохранить невозмутимое лицо. Он сложил руки в приветствии.

— Прошу прощения. Я увидел, что вы беседуете, и не хотел прерывать, потому временно укрылся за деревом.

<http://bllate.org/book/16264/1464155>